

ВШЖ

25
Pfenning

21. 2. 1926

RUL, russische demokratische Tageszeitung

Geegründet vor I. Hessen, Prof. A. Kaminka, W. Nabokoff †

Читайте ежедневно в Берлине
21. Februar 1926. Sonntag-Ausgabe Nr. 8.

Воскресенье, 21 февраля 1926 г.

7-й г. изд.

№ 10 страниц.

В номере

— С.
— Кина.
— Дочь Аминадо.
— М. М.
— Вестник — Крессов.
— М.
— М.
— Шарль.

картинки, задачи, за-

Берлин, 20 февраля.

На этот раз мы готовы
встать на защиту
Пешехонова против
ополчившихся на него и
тот же пересорившийся
на газет. Поводом к
нападкам послужило
отмеченное
современное письмо
к редактору «Парижского
Вестника» своего
набывающего
дому горячо
призывая к
возвращению
Пешехонова на
личном
пришлое убедился,
что он
не в т. д. двери
в Россию
есть. А так как
— это было
явно, —
эмиграция
его не
он и р. б. при
помощи
редакции
советской
газеты
противозаконство
отказа
согласиться
в разрыв
вернуть
суду. Так как
однако —
эта
законность
есть
буквально
капюшон,
незамысловитый
пустячек
с несмысленным
произвольным
характером
вообще
то власть,
то «обжалование»
Пешехонова
приобретало
характер
компромисса.
С другой
стороны,
мы не
имеем
никаких
оснований
считать,
что «Парижский
Вестник»
устояет
его жалобу,
чтобы
превратить
хамское
нападение,
которое
пришлось
получить
в качестве
жесткого
заострения
«молодому
литератору»
доказав
жандармскую
лояльность.
Если
Пешехонова
еще
же
пошел
навернуть
такое
нападение
—
это
его
дело.
Во
всяком
случае,
после
его
предыдущего
нападения,
объединившего
все
обязательство
Петрищева
до
Суворина
(как
и
сам
Пешехонова)
в
чувствовании
против
неповиновения
власти,
—
дальнейшее
его
не
представляет
общественного
интереса.
Но
парижские
газеты
попытались
ссылаться
на
письмо
Пешехонова
в
первый
порах,
и
теперь
мы
единственно
отрицательное
слово.
Не
говоря
уже
о
«Возрождении»
и
«Новом»
устояти
в
письме,
написанном
в
«Парижском
Вестнике»,
политический
шаг,
а
«Дни»
принимали
своего
сотрудника
«законопослушным»
Пешехоновым»,
а
произвольный
раскол,
благодаря
чему
во
дело
вмешался
сановный
Сухомятин,
которому
объяснили
себя
«письмовником»
корреспондент «Дни»
не
только
подобострастно
свои
столбы,
но
и
почти
распаралились
перед
двоякой
Марья. Алексеевой,
появившейся
выражен
«законопослушного»
использованного
было
ими
не
в
сатиристической
ссылке
по
адресу
Пешехонова,
а
для
того,
чтобы
навести
сугубо-хамское
отношение

Китай перед новыми потрясениями.

Пекин, 20. 2.

Во всем северном Китае наблюдаются крупные передвижения войск. Повидимому предстоят тяжкие потрясения, центры которых, по видимому будут снова Тянь-Цзинь.

Пекин в настоящую минуту остался без кабинета. Ведут усиленную пропаганду как коммунисты, так и их противники.

Положение в Манджурии.

По сообщению «Times» из Мукдена на место бывшего генерального консула в Мукден будет назначен Васильев, игравший крупную роль при установлении советского влияния в Монголии. Председатель дальневосточного ревкома в Хабаровск Кубяк выехал в Пекин на совещание с Карахановым. По вопросу о политике в Манджурии мнения советских дипломатов по видимому расходятся: одна из них высказывается за примирительную тактику, другая, наоборот, настаивает на проведении энергичных мер по восстановлению господствующей позиции в Манджурии. При переговорах с Чанг-Цзо-Лингом советские представители настаивают на предоставлении советским гражданам права, ставящих их вне зависимости от местных властей. Требуется, чтобы это сводилось к восстановлению экстерриториальности.

Трения между Китаем и Францией.

Лондон, 19. 2.

«Daily Telegraph» сообщает из Пекина:

Китайское министерство иностранных дел заявляет, что оно не считает возможным признать договоры заключенные Францией с Японией об Индокитае. Это возбуждает вопрос, в какой мере

увеличение временного китайского правительства обладает властью в Китае за пределами провинции.

Усиление гарнизонов в Монголии.

Москва, 19. 2.

Монгольское советское правительство обратилось в Москву с просьбой усилить советские гарнизоны в Монголии. В Монголию отправляются войска с Кавказа, состоящая главным образом из коммунистов.

Приговор по делу о шпионаже.

Москва, 19. 2.

Советское телеграфное агентство сообщает:

После трехнедельного разбирательства военная коллегия верховного суда приговорила 13 обвиняемых в военном шпионаже в пользу Эстонии и в подготовке покушений на террористические акты на территории СССР к смерти. Всего по этому делу были привлечены 48 лиц, большая часть бывшие царские и юденические офицеры. Большинство обвиняемых, в том числе и приговоренные к смерти Хоканен, Падерна и Снарский, признались в своих преступлениях и дали исчерпывающие показания о систематическом долговременном шпионаже, которым они занимались по указанию эстонского генерального штаба и председателя английской разведки в Нарви, бывшего русского капитана Франка. Франку было поручено организовать возмате в пограничном районе, взорвать несколько зданий в Петербурге, водородные ангары и другие сооружения на аэродроме в Гатчине.

Остальные обвиняемые приговорены к заключению в тюрьмы на разные сроки от одного до пяти лет.

За недёлю.

Советское Локарно.—Ослабление в вопросе о составе совета Лиги Наций.—Тревога в Германии.

Крушение советско-швейцарских переговоров является, — по крайней мере формально, — законченным этапом этого периода гибельной политики СССР, который можно назвать советским Локарно.

Созыв локарнского конференция вызвал советскую дипломатию на проявление всей активности, на которую она в настоящее время способна. Четверть использовала все средства, какими она только располагала, для того, чтобы помешать локарному пакту. Этого игрища была раскинуто широко — от Варшавы и до Парижа. На обратном пути он еще прихватил Ковно и Ригу. Правда, энергия, которой он залпал на свое путешествие, ушла главным образом на бесчисленные беседы с сотрудниками газет и лишь в гораздо меньшей степени на переговоры с ответственными дипломатами. Но это в сущности было правильно, так как из дипломатических переговоров все равно ничего не вышло. В этом отношении результаты советской политики формулировать не трудно. Они сводятся к полному неудаче на всем дипломатическом фронте СССР.

Не оставила советская дипломатия без внимания и свой дальневосточный фронт. В Китае имевшие там советские органы усиленно распространяли версию, будто вступление Германии в Лигу Наций включит и ее в круг империалистических держав, против которых Карахан там ведет такую ожесточенную кампанию.

Для Германии эти выкладки советской дипломатии на Дальнем Востоке несомненно не были лишены значения. Однако, германское министерство иностранных дел по своему обыкновению старалось их игнорировать. Оно руководилось в общем тем же принципом, что его переговоры о вступлении в Лигу Наций не должны связывать его политику на Востоке. Оно поэтому не хотело допустить и того, чтобы советская дипломатия связала ему руки. Таким образом, курс германской политики остался неизменным, несмотря на то, что поведение советской дипломатии по отношению к державам, заключившим с советскими союзом рамальский договор, а потом и первый во всем мире торговый договор, ни в каком случае нельзя было признать безудержным.

Переговоры о ликвидации советско-швейцарского конфликта показали, что и в этом случае советское правительство руководилось лишь желанием снять рознь между европейскими державами и возстановить их друг против друга. Никаких других целей оно не преследовало. Данные, сообщенные швейцарским правительством, на национальном совете, убедительно показывают, что швейцарское правительство в пределах конфликта из за убийства Воросского сдвинуло все, чтобы ликвидировать его. Но московские власти требовали большего; они хотели заставить Швейцарию преклониться перед советским режимом, а за что ее признавать, что убийство советского дипломата является злодеянием несравненно большим, чем ограбление швейцарской миссии ее сопровождавшим его убийством «служачаго ей, что требование об уплате вознаграждения дочери Воросского требует совершенно иного отношения, чем требование вознаграждения швейцарского гражданина за понесенный им от действий советского правительства ущерб. На этот раз советское правительство нашло себе косвенную поддержку со стороны Франции. Взяв по видимому надбавку на то, что французское посредничество будет угодно. Оно однако ошибся. Если Швейцария действительно сдвинула все, чтобы, не жертвуя своим достоинством, ликвидировать конфликт, возникший без всякой вины с ее стороны, то советское правительство поступило как раз наоборот. Оно отвергло согласительную формулу.

«Парижский Вестник». А сановитый эсер выступил для того, чтобы обрушиться на «Посл. Нов.» в защиту Пешехонова, который из ничего позорно не совершил. «Посл. Нов.» с своей стороны обиделся и усиленно доказывают противное, опираясь на то, что и «Дни» держались того же мнения, словом — пошла писать эмигрантская губерния.

Слывовало же, конечно, и мимо этой словесной полемики пройти, но к такой глупости, полемике, в особенности сановитый эсер Сухомлягин вновь поднял и основной вопрос о возвращении на родину, причем г. Сухомлягин устанавливает тезис, что «к вопросу о возвращении слывовало же возмозаче по отношению, которое было у нас при самодержавии, а именно — эмигранты должны оставаться только те, чья политическая и литературная работа должна быть вынесена во интересах внутреннего политического движения, за пределы досягаемости, остальные же должны вернуться в Россию». «Дни» с своей стороны беззастенчиво угодничая Добчинскому, слышать указав, что это они первые сказали «э», что они именно установили такую точку зрения.

Статья Сухомлягина появилась одновременно с последним номером «Революции России», из которой мы заимствовали напечатанное там, поистине трагическое, письмо из Сибири, в котором автор шпешет, что под влиянием советского режима, «все мы» превратились в пискарей, привыкли и подчинились окрикам, произволу, унижению и издательству; признались и совершенно искренне в этой новой атмосфере перестали понимать;

что такое законность превратились в мальчик черных муравьев и утратили, как ни больно сказать, всяческое человеческое достоинство. Вот какое письмо печатается эсеровская «Революция», одним из редакторов, которой является сановитый Сухомлягин, требующий в «Днях», чтобы все возвращались в Россию и превращались в рабов. Впрочем, не все — г. Сухомлягин, как занимающийся «политической и литературной работой», останется «внѣ предѣлов досягаемости».